

О главныхъ причинахъ невѣрія интеллигенціи и безуспѣшности ея религіозныхъ исканій.*)

Не плоть, а духъ растлился въ наши дни,
И человекъ отчаянно тоскуеть...
Безвѣріемъ палимъ и изсушаемъ,
Невыносимое овъ днесъ выносить.
И сознаеть погибель свою оны,
И жаждеть вѣры, но о ней не просить...
Не говоритъ съ молитвой и слезой,
Какъ ви скорбитъ предъ замкнутою дверью:
„Впусти меня! Я вѣрю, Боже мой!
Приди на помощь моему невѣрью“!

Ф. Тютчевъ.

Явися, Господи, намъ, вѣрой оскудѣвшимъ,
Сомнѣніе умовъ чятежныхъ усыпи.
Въ исканьи истины душою ослабѣвшимъ
Явись и помощи. наставъ и укрѣпи!

А. Кружловъ. (На слова: „Богъ Господь
и явися намъ“...).

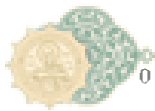
Характерную черту нашего времени представляютъ религіозныя исканія, жажда вѣры, гонка по Богу въ средѣ образованныхъ людей, потерявшихъ вѣру.

И причина этого явленія понятна: забвеніемъ Бога и вѣчности устанавливается ненормальное состояніе въ душѣ, созданной по образу Божію, для Бога и вѣчности. И являеться желаніе выйти изъ этого состоянія, вернуться къ вѣрѣ. „Мнѣ кажется“, говоритъ Машиа въ „Трехъ сестрахъ“ Че-

*) Публичное богословско-апологетическое чтеніе для интеллигенціи въ залѣ Киевскаго Православнаго Религіозно Просвѣтительнаго Общества 13 января 1917 г.).

хова, „человѣкъ долженъ быть вѣрующимъ или долженъ искать вѣры, иначе жизнь его пуста, пуста“. Только вѣра можетъ мирить насъ съ нашею землею жизнью, такъ далеко отъ идеала. „Надо жить“, говоритъ Соня въ „Дядѣ Ванѣ“ *Чехова*,—„надо терпѣть все, что пошлетъ судьба, и покорно умереть, когда придетъ часъ нашъ. Тамъ Богъ скалится надъ нами за наши труды, терпѣнiе,—и мы увидимъ жизнь свѣтлую, прекрасную, изысканную, какой не можетъ быть на землѣ,—и отдохнемъ. И вѣрую, вѣрую“... *Марiа Башкирцева* въ дневникѣ своемъ пишетъ: „И очень хотѣла бы имѣть возможность благодарить Бога... Это было-бы такъ прекрасно... И чувствую такую потребность вѣрить!... Въ Бога вѣрятъ и счастливые, и тѣ несчастные, у которыхъ ослабла хоть тѣнь надежды... Тотъ день, когда теряешь вѣру, какъ ужасенъ долженъ быть такой день?“ (Изъ „Неизданнаго дневника Марiи Башкирцевой и переписки съ Гюи-де-Мощассаномъ“. Перев. съ франц. подъ ред. М. Гельбота. Одесса 1905, стр. 155—156). „Какъ-бы дорого я заплатилъ тому, кто возвратилъ-бы мнѣ утраченную вѣру!“ Это пишетъ въ своемъ дневникѣ самоубiйца, гимназистъ старшаго класса. „Хотя-бы кусочекъ какой-нибудь вѣры!“—восклицаетъ герой въ Чеховскомъ „Разсказѣ неизвѣтнаго человѣка“. Прекрасно иллюстрируется тоска по вѣрѣ въ одномъ изъ стихотворенiй *Надсона*, гдѣ онъ говоритъ:

...Безсильная старость еще далека,
И еще не грозитъ мнѣ могильной плугой...
Отчего-жъ въ моемъ сердцѣ глухая тоска,
Отчего-жъ въ моихъ думахъ мертвящiй застой.
Злой недуга въ очахъ, безнадежность въ груди?
Или жизнь я исчерпалъ до дна,—
И мнѣ нечего ждать отъ нея впереди?
Гдѣ-жъ ты, вождь и пророкъ?... О, приди
И страхни эту тяжесть удушья и сна!
Дай мнѣ жгучiя муки принять,
Брось меня на страданье, на смерть, на позоръ,
Только-бъ полною грудью дышать,
Только-бъ вспыхнулъ отвагою взоръ!...
Только-бъ вѣрить, во что-нибудь вѣрить душой.

Видимъ, что жажда вѣры здѣсь вырастаетъ въ крикъ сердца, почти въ моштованный вопль, но, къ сожалѣнію, обращенный не къ небу, не къ Богу, а въ пустое пространство. Есть особенности въ религіозныхъ исканіяхъ русской интеллигенціи, которыя дѣлають ихъ бесплодными и безсильными только порываніями, благочестивыми пожеланіями. Пассивность, вялость, нерѣшительность, отсутствіе мѣры къ выходу изъ ненормальнаго состоянія безвѣрія, своего рода болѣзни,—вогь обычныя черты нашихъ религіозныхъ исканій.

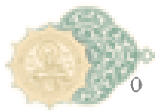
Ждутъ вѣры со стороны, ничего не предпринимая для возвращенія вѣры сами. Все здѣсь предоставляется дѣйствию случая, какъ говорить—судьбы, и возвращеніе вѣры представляется чѣмъ-то въ родѣ выигрыша въ потерю. Дѣйствительно, Падсонъ, напр. ждетъ своего спасенія отъ „вождя и пророка“, который „придетъ и стряхнетъ“ съ него „тяжесть удушья и сна“... Когда гимназистъ пишетъ, что онъ „дорого заплакалъ-бы тому, кто возвратилъ бы ему утраченную вѣру“, то онъ думаетъ, что вѣру можно получить, какъ какую нибудь вещь, изъ рукъ другого безъ всякихъ усилій съ своей стороны. Но вѣру нельзя дать; ее нужно самому добывать, а другіе могутъ только указать путь и расположить къ вѣрѣ своимъ добрымъ словомъ и примѣромъ. Даже Богъ, податель всѣхъ благъ, а также и вѣры, даетъ намъ вѣру не безъ нашего содѣянія и участія.

Вообще всегда желаютъ полнаго выздоровленія и знаютъ, чего хотятъ, а тутъ ограничиваются безпредметными желаніями маленькаго „кусочка хотя-бы какой-нибудь вѣры“, безразлично какой. „Только-бы вѣрить, во что-нибудь вѣрить душой“! И въ результатѣ сплошь и рядомъ получаютъ такой кусочекъ вѣры, напр., въ видѣ гносефіи, спиритизма, баптизма, демонизма и т. п. неудобоваримыхъ кусочковъ или суррогатовъ настоящей христіанской вѣры! Изъ холода безвѣрія ищущіе вѣры попадаютъ во мракъ суевѣрій и лжевѣрій и отъ яркаго свѣта христіанской вѣры въ своихъ блу-

жданіяхъ въ сторонѣ отъ нея, въ невѣдѣніи о ней, идутъ на болотные огоньки теософіи, спиритизма и т. п. и тамъ погибають... А этого не было-бы, если-бы въ исканіяхъ выхода къ свѣту ищущіе вѣры обратились къ помощи религіозныхъ знаній для уясненія того, гдѣ же этотъ свѣтъ, и надлежащимъ изученіемъ религіознаго вопроса и ознакомленіемъ съ христіанскою религіею и другими религіями и религіозно-философскими ученіями узнали пути къ истинѣ. Кто заблудился въ лѣсу, тотъ старается узнать и ищетъ дорогу изъ него, а здѣсь этого не дѣлають, ограничиваясь красивыми фразами о счастья вѣры, вздохами и чувствительными пожеланіями.

Кромѣ нѣкотораго *умственного усилія* для выхода къ свѣту вѣры еще необходимо ищущимъ *нравственное усиліе*. Чувствительныя восклицанія чеховскихъ героев и героинь о высокой, прекрасной и свѣтлой жизни съ выраженіемъ жажды вѣры, дающей смыслъ жизни, не сопровождаются обычно никакими попытками нравственнаго своего улучшенія. Принципіальное пренебреженіе къ заботамъ о душевной чистотѣ въ нашей интеллигенціи, отмѣченное еще Достоевскимъ и недавно авторами сборника объ интеллигенціи („Вѣхи“), гдѣ даже говорятъ объ „этическомъ ингибизмѣ“ интеллигенціи,-- остается въ полной силѣ: красивыя фразы о высокомъ и свѣтломъ небѣ религіи не сопровождаются попытками говорящихъ къ выходу изъ земной грязи, гдѣ они продолжаютъ барахтаться со взоромъ, устремленнымъ къ высокому свѣтлому небу религіи, и декламируютъ на темы чеховскихъ героев.

Больные снѣшатъ выявить причины своей болѣзни и и вмѣстѣ съ этимъ средства къ ея исполненію сами или приглашеніемъ врача. А здѣсь нѣтъ и этого,—нѣтъ попытокъ уловить себя, откуда это въ насъ невѣріе, духовная импотенность, безспіе вѣры. Безъ знанія же причинъ невѣрія невозможна и борьба съ нимъ цѣлесообразными средствами.

Причины невѣрія нужно знать какъ невѣрующимъ, такъ и тѣмъ, которые призваны своими знаніями и долгомъ къ уврачеванію невѣрія русской интеллигенціи. Поэтому я охотно исполняю порученіе Киевскаго Религіозно-Провѣстительнаго Общества и выступаю съ выясненіемъ вопроса о причинахъ невѣрія и способахъ борьбы съ нимъ.

I.

Почему, спросимъ прежде всего, ищущіе вѣры не заботятся о выясненіи причинъ своего невѣрія? Да очень просто потому, что у нихъ тутъ есть готовое, напрокатъ взятое, объясненіе, которое избавляетъ ихъ отъ труда думать объ этомъ. Подъ вліяніемъ ходячаго мнѣнія невѣрующей среды о противорѣчии вѣры разуму невѣрующіе воображаютъ, что вѣрить имъ мѣшаютъ знанія, наука, разумъ; что вѣра можетъ быть куплена лишь цѣною отреченія отъ истины, отъ разума! Конечно, это заблужденіе, обязанное своимъ происхожденіемъ способности всякихъ предразсудковъ и непровѣряемыхъ разумомъ ходячихъ мнѣній омрачать и ослѣплять разумъ, когда люди видя не видятъ, слыша не слышатъ и не разумѣютъ (Ис. VI, 9, 10). Въ самомъ дѣлѣ, только въ ослѣвленіи разума можно не замѣчать фактовъ, разрушающихъ безъ остатка ходячее мнѣніе о вредѣ разума для вѣры. Въ Бога вѣрили и вѣрятъ милліоны, несчетное число умныхъ, великихъ, гениальныхъ людей, имена которыхъ дѣлаютъ честь разуму, которыми создана наука, искусство, культура. Въ Бога вѣрить не помѣшали разумъ Сократу, Аристотелю, Платону, Сенека, Декарту, Канту, Паскалю, Галилею, Ньютону, Пастеру и т. д.; въ Бога вѣрятъ почти всѣ великіе ученые люди перваго ранга въ наукѣ, какъ это установлено изслѣдованіями о религіозныхъ убѣжденіяхъ ученыхъ, и тѣмъ больше вѣрятъ, чѣмъ сами больше въ наукѣ... Если разумъ не мѣшаетъ вѣрить, а напротивъ

помогаетъ вѣрѣ представителямъ умственныхъ верховъ чело-
вѣчества, его аристократіи, то почему разумъ можетъ мѣ-
шать вѣрѣ тѣхъ, которыхъ нельзя и сравнивать съ предста-
вителями, какъ сказать, самого разума?...

Само собою понятно, что истинныя причины невѣрія
надо искать гдѣ-нибудь еще. И прежде всего главный ко-
рневой источникъ невѣрія открывается понятіемъ о вѣрѣ и
условіяхъ вѣры: если мы знаемъ, что такое вѣра и что тре-
буется для нея, то этимъ самымъ дается знаніе причинъ не-
вѣрія или препятствій къ вѣрѣ.

Что же такое вѣра? Вѣрою чаще называютъ согласіе
нашего ума съ какою-либо мыслью на основаніи вишняго
авторитета, которымъ она подкрѣпляется. Это—*внѣшняя вѣра*
или *довѣріе*, вѣра дѣтей, вѣра первоначальной низшей ступе-
ни въ христіанской жизни и знаніи. Но идеаломъ христіан-
ской вѣры, типичной именно для христіанства, служитъ
внутренняя сердечная вѣра или *увѣренность*. Вѣра въ смыслѣ
внутренней увѣренности, о которой говорить ап. Павелъ въ
Евр. XI, 1,—истинная вѣра. Если согласіе нашего ума съ
какимъ-либо положеніемъ не вслѣдствіе давленія на него
вишняго авторитета или какой-либо логической и чувстви-
тельной очевидности, но вслѣдствіе внутреннихъ душевныхъ по-
бужденій, сродства принимаемаго вѣрою съ душою, соответ-
ствія нашему общему душевному складу, нашимъ, наиболее
характернымъ для нашей личности, стремленіямъ и интере-
самъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ концѣ концовъ вѣра имѣетъ
свои устои въ сердцѣ, въ общемъ нравственномъ настроеніи
личности: *сердце мое вѣруетъ* (Римл. X, 10): пріятное сердцу
принимается охотно, безъ доказательства, а непріятное от-
вергается въ религіи повѣрующими людьми, подъ предло-
гомъ его противорѣчія разуму. Это прекрасно выражаетъ
нашъ философъ-христіанинъ Влад. Соловьевъ, когда пишетъ
слѣдующее о моральныхъ причинахъ невѣрія: „Обыкновенно
истинны вѣры“, говоритъ онъ, „отвергаются заранѣе не по

трусости ума (когда „истиннымъ признають только то, что имѣеть очевидность математической аксіомы или чувственаго факта“), а по лукавству воли. Нѣтъ сердечнаго влеченія къ такимъ предметамъ, какъ Богъ, спасеніе души, воскресеніе плоти; нѣтъ желанія, чтобы эти истины дѣйствительно существовали, безъ нихъ жизнь легче и проще, лучше о нихъ не думать, а тутъ ужъ уму не трудно найти предлогъ, чтобы не думать о нихъ или, по крайней мѣрѣ, не считаться съ ними серьезно: вѣдь все это вещи, которыхъ нельзя *доказать* ни разумомъ, ни опытомъ: значитъ, все это недостоверно, фантастично“.

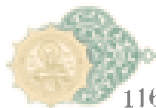
Правственная подготовка къ вѣрѣ, почвы для нея въ душѣ предполагается и требуется самымъ существомъ религіи, какъ стремленіемъ ограниченаго и чувственаго существа, какъ человѣкъ, возвыситься къ безконечному Богу и сверхчувственному міру. Необходимо въ духовной жизни стать въ уровень съ религіей, стремящейся приподнять насъ надъ видимымъ къ невидимому, надъ временнымъ къ вѣчному, но религія, конечно, остается совершенно закрытою областью, ненужною, неинтересною и непонятною, для того, кто всеѣмъ существомъ своимъ, всей душой погруженъ, какъ въ свою стихію, въ земную среду и не имѣетъ ни потребности, ни даже времени думать и помнить о Богѣ, о своей душѣ, о загробной жизни, о небѣ и т. д. Религія ненужна и не существуетъ для сознанія тѣхъ, которые небо замѣнили землею, „приложились къ скотамъ несмысленнымъ“ по Писанію, для которыхъ „богъ ихъ чрево“ (Ср. 2 Кор. IV, 3—4), а богѣ всего золотой телецъ, деньги, деньги и деньги... А между тѣмъ по своимъ житіейскимъ и литературнымъ наблюденіямъ эти люди какъ разъ, обыкновенно, усердствуютъ по части оправданія невѣрія разумомъ, конечно по понятнымъ здѣсь мотивамъ самолюбія и тщеславія. Изъ многихъ возможныхъ литературныхъ иллюстрацій дамъ одну въ воспоминаніяхъ извѣстнаго критика *Скабичевскаго* („Изъ воспо-
Труды Императорской Киев. Дух. Академіи. Т. 1. 1917 г. 8

минацій о переживтомъ“ въ *Русскомъ Богатствѣ* 1907, № 7). Тутъ видимъ длинныя разсужденія на обычную тему невѣрующихъ о томъ, что наука вообще подрываетъ вѣру, съ добавленіемъ къ этому объ особенномъ вредѣ для вѣры наукъ юридическаго факультета въ университетахъ: повѣствуется о релігіозной борьбѣ, вызванной, по мнѣнію автора, губительнымъ дѣйствіемъ на его вѣру университетскихъ наукъ, дѣлается сообщеніе о побѣдѣ въ концѣ концовъ позитивно-матеріалистическаго міросозерцанія надъ христіанскою релігіею съ ся ученіемъ о первенствѣ духа надъ плотью и все завершается неосторожною обмолвкою автора, вскрывающею настоящую причину такого конца его релігіозной борьбы. Оказывается, Скабичевскій „почилъ на позитивизмѣ Коппа“ потому, что тутъ отрицается „теологическій дуализмъ духа и тѣла“ и существованіе души, какъ особой субстанціи, а потому „подавленіе плоти“ разсматривается „не какъ высшее нравственное подвижничество, а, напротивъ, какъ противоестественное преступленіе противъ законовъ человѣческой природы“... „Сознаніе эго“, пишетъ Скабичевскій, „привело меня къ полнотной эмансипаціи плоти. Я весь препрополнился такого восторга бытія, какого никогда не испыталъ ни до, ни послѣ того. Это было то самое радостное чувство, какое чувствовалъ Фаустъ, когда Мефистофель вывелъ его изъ затхлої кельи средневѣковой схоластики *на веселый праздникъ жизни*,—съ тою, впрочемъ, разницею, что Фаустъ все-таки видѣлъ въ своемъ освобожденіи нѣкое грѣховное, дьявольское навожденіе, и въ самыя свѣтлыя минуты радости бытія у него должно было скрестись на сердцѣ при мысли о преступномъ договорѣ съ чортомъ: я же не боялся никакихъ чертей и считалъ за собою *полное право пользоваться дарованною мнѣ жизнью во всю*. Словомъ, я испыталъ такое чувство, какъ будто вернулся домой изъ продолжительныхъ, *скучныхъ* и опасныхъ странствій. *И тѣмъ больше чувствовалъ я себя дома, что по всему складу своей приро-*

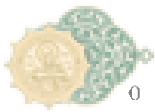
ды болѣе была склонена къ эпикуреизму, чѣмъ къ строгому ригоризму и мрачной меланхолиі“. Такимъ-то вотъ образомъ вмѣстѣ со Скабичевскимъ стало однимъ невѣрующимъ больше на Руси, — изъ того сорта невѣрующихъ, которые себя и другихъ увѣряютъ, что въ своемъ отрицаніи вѣры они утверждаютъ на разумѣ, наукѣ и философіи, тогда какъ дѣло гораздо проще объясняется иногда даже ихъ темпераментомъ, излишнею тяжеловѣсностью плоти, доходящей до полного поавленія духа: до неба-ли, когда тѣло тянетъ къ землѣ?

Если моральной подготовки требуетъ для себя всякая религія вообще, то тѣмъ болѣе христіанская религія. Много званыхъ для нея, но мало избранныхъ, т. е. вполне подготовленныхъ и способныхъ къ воспріятію Евангелія.

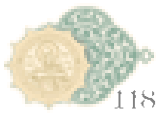
Въ существенномъ своемъ содержаніи христіанство, какъ религія искупленія, обнимается евангельскимъ призывомъ къ *покаянію* и *вѣрѣ*: „покайтесь и вѣруйте во евангеліе“ (Мрк. 1, 15). Это значитъ: признайте грѣхъ и свою немощь въ борьбѣ со грѣхомъ и зломъ, которое внесено въ вашу жизнь грѣхомъ, и вѣрѣмъ сердцемъ примите посланную вамъ съ неба въ помощь спасительную благодать Божію,—покайтесь и съ вѣрою примите благу ю вѣсть Евангелія о спасеніи. Очевидно, Евангеліе можетъ быть радостною вѣстью только для того, кто собственнымъ нравственнымъ опытомъ приведетъ былъ-бы къ сознанію своей нравственной немощи, ничтожества и грѣховности и невозможности искупленія отъ зла своими силами. Радостною вѣстью Евангеліе будетъ только для чловѣка, истерзаннаго мученіями совѣсти, сознаніемъ своего ничтожества, печальной разобщенности его съ Божествомъ. Сѣмя Евангельское выростаетъ въ жизненную истину, когда падаетъ на сердце, жаждущее добра, но изнемогающее отъ безсилія въ немъ, на сердце, истерзанное муками совѣсти и сознаніемъ ничтожества чловѣка, на сердце, жаждущее любви, прощенія и под-

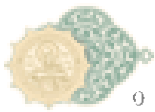
крѣпленія съ Неба! Очевидно, не принадлежащіе къ жаждущимъ и алчущимъ правды люди съ загнохнувшею въ нихъ совѣстью, живущіе зломъ какъ своей стихіей, даже не желающіе признавать грѣха, не нуждаются въ христіанствѣ. Воле того, христіанство такимъ людямъ не только не нужно, но даже ненавистно и противно: оно препятствуетъ жить имъ спокойно по своей волѣ. Тутъ скрываются дѣйствительныя, а не показныя причины отрицательнаго отношенія къ христіанству, главный корень современнаго невѣрія. Христіанство къ настоящее время отрицается главнымъ образомъ именно въ качествѣ религіи Креста, Искупленія. Главнѣйшею причиною ненависти людей къ христіанству оказывается ученіе христіанства о первородномъ грѣхѣ, о поврежденіи человѣческой природы и о необходимости искупленія. Французскій писатель *Э. Зола* признается, напр., что „въ человѣческомъ существѣ нѣтъ дурныхъ страстей“ и что христіанство отталкиваетъ его „звѣрскимъ изображеніемъ первороднаго грѣха, дурного человѣка, котораго Богъ наказываетъ и долженъ спасать на каждомъ шагу угрозою, дѣтскимъ адомъ и обѣщаіемъ фальшиваго рая“... Большое раздраженіе въ *М. Гюйо*, одномъ изъ фанатичныхъ враговъ христіанства, вызываетъ христіанство своею... „неотвязчивою мыслию о грѣхѣ. Эта мысль“, откровенно признается Гюйо, „наряду съ средневѣковымъ паническимъ страхомъ передъ тысячнымъ родомъ, является одной изъ самыхъ жестокихъ пятюкъ, совершенно безполезныхъ, какія только человечество налагало на себя. Разсматриваемая сама по себѣ съ философской точки зрѣнія, идея грѣха врядъ ли совмѣстима съ современнымъ детерминизмомъ, который стремится научно объяснить все явленія и учить насъ, если не оправдывать все, то, по крайней мѣрѣ, все прощать. Въ насъ уже немислимъ ни смертный страхъ передъ грѣхомъ, ни „тщеславіе грѣха“, ибо мы едва увѣрены въ томъ, что наши грѣхи дѣйствительно наши, что мы лично ответственны за нихъ.

На наши *искуснія* мы смотримъ теперь, какъ на пробудившіяся въ насъ наслѣдственныя предрасположенія, восходяція не только къ первому члену, но и къ его предкамъ въ мірѣ животныхъ "... Для кого „немыслимъ страхъ передъ грѣхомъ“, для того „истинно нравственный и религіозный идеалъ не можетъ заключаться въ томъ, чтобы урѣзывать свою жизнь во имя борьбы съ грѣхомъ... Все наши склонности и стремленія должны быть своевременно удовлетворяемы... Для сердца достаточно широкаго ни одна жизненная функція не будетъ казаться нечистою“ (Изъ соч. *Гюйо* „Возвѣріе будущаго“). Въ виду сказаннаго, совершенно правильнымъ наблюденіемъ является замѣчаніе скандинавскаго философа *Киркегора* (въ соч. „Къ самоиспытанію“), что „только для сознанія грѣховности христіанство не есть ужасъ и безуміе“. Но для людей, лишенныхъ сознанія грѣховности, христіанство не понятно и противно именно въ качествѣ религіи искушенія. Цѣлѣтвыи литературный критикъ *Георгъ Брандесъ*, вѣдѣвъ за приведенными словами Киркегора, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „мнѣ же оно (христіанство) порой представлялось и гѣмъ, и другимъ. Я заключилъ отсюда, что у меня нѣтъ сознанія грѣховности и нахожусь этому подтвержденію, когда заглядывалъ въ самого себя. Ибо какъ ни сильно упрекать я себя въ этотъ періодъ времени и осуждать свои недостатки, все же оны всегда были для меня слабостями, противъ которыхъ я долженъ былъ бороться, или изъянми, которые могли быть направлены, но никакъ не грѣхами, требовавшими прощенья, а для достиженія этого прощенья требовавшими Спасителя. Что Богъ умеръ за меня, какъ Спаситель, я *рѣшительно не зналъ, что это значитъ*, моей мысли это представленіе никогда ничего не говорило. И я спрашивалъ себя, были ли бы въ состояніи понять обитатели какой-нибудь другой планеты, что на землѣ противное разсудку (т. Брандеса) считается наивысшей истиной“.

Яркий доказательство моральной подкладки неврѣя въ отрицаніи христіанства, какъ религіи искупленія, можно находить, сколько угодно, и у себя дома, напр., среди интеллигентской секты, называемой „новымъ религіознымъ сознаниемъ“, гдѣ такъ заботятся о равноцѣнности духа и плоти, неба и земли и т. п. Здѣсь, напримеръ, *Н. Бердяевъ* въ своей книгѣ „Смыслъ творчества. Опытъ оправданія человѣка“ ополчается на христіанство, какъ на религію отжившую, именно въ смыслѣ религіи искупленія. Отрицается въ христіанствѣ самое главное въ немъ, Крестъ Христовъ и все, что связано съ нимъ: ученіе о грѣхѣ и искупленіи, призывъ къ сознанию своей грѣховности и немощи или къ покаянью, борьба со грѣхомъ, песеніе Креста и вообще покорное подчиненіе всѣмъ слѣдствіямъ грѣха. Всѣмъ этимъ, оказывается, христіанская религія унижаетъ человеческое достоинство, препятствуетъ свободному развитію личности и проявленію ея творческихъ силъ, ослабляетъ и обезличиваетъ ее. Христіанскую мораль здѣсь съ презрѣніемъ называютъ „моралью смиренія и послушанія“ и „грустивымъ дрожаніемъ за свою душу“! Очевидно, христіанство противно глѣбъ, которые претендуютъ въ гордомъ самообольщеніи на божественное достоинство человѣка и на право безграничнаго самоопредѣленія личности, ея абсолютнаго самоутвержденія. Здѣсь дасть себя знать сообщающій всему современному неврѣю общій тонъ атеистической гуманизмъ съ его религіею челоуѣкобожія или анобоезю челоуѣка, съ его вѣрою въ челоуѣка вмѣсто вѣры въ Бога и ублаженіемъ, что челоуѣкъ силенъ и великъ не вѣрою въ Бога, а безбожіемъ и пренебреженіемъ къ религіи. Здѣсь съ циническою откровенностью заявляютъ намъ, что отрицаніе Бога людямъ нужно для того, чтобы быть самѣмъ богами, такъ Кирилловъ въ „Вѣсахъ“ Достоевскаго говоритъ: „Если Бога нѣтъ, то я самъ богъ“. Соціалистъ *Джизель* какъ-бы въ поясненіе сказаннаго Кирилловымъ откровенно говоритъ:

„вѣра въ Бога мѣшаетъ нашей вѣрѣ въ самихъ себя“. Антрополоцентрическимъ духомъ атеистическаго гуманизма заражена вся невѣрующая русская интеллигенція, свидѣтельство чего видимъ изъ среды самой ея. (Чит. *проф. С. Булакова* „Два града“ съ рядомъ очерковъ „О религіи челоѣкобожія русской интеллигенціи“). Здѣсь заключается главное объясненіе безплодности и неудачъ даже искреннихъ религіозныхъ исканій нашей интеллигенціи и ея уворнаго невѣрія.

Можно было-бы наглядно показать моральную подкладку современнаго невѣрія на богоборческомъ индивидуализмѣ, демонизмѣ и т. д. и особенно на лицемерствѣ и социализмѣ, но уже и вѣрѣ сказаннаго достаточно выясняется истинна того объясненія невѣрія, какое даетъ намъ само Евангеліе: „Свѣтъ пришелъ въ міръ“, говоритъ Евангеліе, „но люди боже возлюбилн тьму, нежели свѣтъ; потому что дѣла ихъ были злы. Ибо всякій, дѣлающій злое, неавидитъ свѣтъ, и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы. А поступающій по правдѣ идетъ къ свѣту, дабы дѣла явы были дѣла его, потому что они въ Богѣ содѣланы“ (Іоан. III, 19—21).

Какой практической выводъ слѣдуетъ изъ моральныхъ причинъ невѣрія для повѣрующнхъ и для ищущихъ вѣры? Невѣрующіе должны бросить свою глупую привычку объяснять свое невѣріе противорѣчіемъ вѣры истинѣ, разуму, а не своимъ безсліемъ и неспособностью къ вѣрѣ, нравственною незрѣлостью и недостаточною подготовкою къ пониманію религіи. Ищущіе вѣры должны воспользоваться полезными для нихъ совѣтами умныхъ и опытныхъ людей, изъ которыхъ назовемъ нѣсколькихъ. Философъ *Фихте* въ поискахъ ума за истиной совѣтуетъ не забывать о состояніи своей воли, о своемъ нравственномъ воспитаніи: „Я знаю, съ какого пункта должно начинаться мое образованіе и образование всѣхъ другихъ; оно должно начинаться съ воли

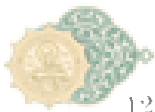
сть сердца, а не съ разсудка. Если только воля твердо и искренно направлена на добро, то разсудокъ самъ собой придетъ къ истинѣ“. *Ж. Ж. Руссо*: „Поддерживай въ душѣ своей способность желать, чтобы быть Богомъ,—и ты никогда не будешь сомнѣваться въ бытіи Его“. Но есть не мало людей, которые въ тайнѣ души, безсознательно и невольно, не желаютъ, чтобы быть Богомъ, болѣютъ *боязнью найти* Его, о которой говоритъ, напр., *бл. Августинъ*: „Только тотъ отрицаетъ бытіе Бога, кому выгодно, чтобы не было Бога“. *Цицеронъ* устами эпикурейца Валлея говоритъ: „Кто можетъ выносить иго какого-нибудь всевѣдущаго и вседѣющаго владыки, котораго приходится бояться день и ночь и который ничто не забываетъ?“ (*De natura deorum* I, 54). Безбожникамъ часто приходится быть въ положеніи римскаго проконсула Феликса. Когда ап. Павелъ сталъ говорить предъ нимъ „о правдѣ, о воздержаніи и о будущемъ судѣ, то Феликсъ пришелъ въ страхъ и отвѣчалъ: теперь пожди, а когда найду время, позову тебя“ (*Дѣян. Ап. XXIV, 24-25*). Проснувшаяся въ грѣшникѣ совѣсть никакъ не ведетъ къ вѣрѣ въ Бога, а другихъ только къ страху передъ Богомъ и желанію уйти и отъ тѣни какой либо мысли о Богѣ, чтобы не нарушать своего душевнаго мира и спокойствія. Это фактъ, что безмертіе, вѣру въ загробную жизнь часто отрицаютъ не только изъ чрезмѣрной любви къ землѣ и неспособности представить собѣ что-либо другое, кромѣ земли, но и влѣдствіе страха загробнаго возданія, Божественнаго суда. Яркая художественная иллюстрація къ этому дана въ образѣ Франца Моора въ трагедіи *Шиллера* „Разбойники“. Припомните сцену съ пасторомъ Мозеромъ, гдѣ злодѣй Францъ, до послѣдней степени растерявшійся въ предсмертномъ страхѣ, неистовыми воплями старался заглушить и голосъ пастора, и голосъ поздно проснувшейся своей совѣсти. „Все ужасно говорить мнѣ, что есть Судья надъ звѣздами! И къ этому надзвѣздному Судіи предстать въ эту же ночь! Нѣтъ,—это

жалкая норка, куда хочеть заполнить твоя трусость. Пусто, глухо тамъ, надъ звѣздами. А если въ самомъ дѣлѣ что-нибудь да есть тамъ? Нѣтъ, нѣтъ, тамъ ничего нѣтъ! *Я хочу, приказываю, чтобы тамъ ничего не было!*» (Франць). На рѣчи пастора о праведномъ загробномъ судѣ Франць отвѣчаетъ бѣшеной репликой: „Молчи! ступай въ адъ съ своими доказательствами! Душа наша уничтожится, говорю я тебѣ— и я не хочу слышать твоихъ доказательствъ“! Прекрасныя мысли о боязни истины находимъ у *Паскаля*, который говорить: „одни (вѣрующіе) боятся потерять Бога, другіе (невѣрующіе) боятся найти Его“. Для невѣрующихъ, но желающихъ возвратиться къ вѣрѣ, весьма полезно быль-бы совѣтъ *Паскаля*: „Старайтесь убѣдить себя не умноженіемъ доказательствъ въ пользу Бога, а уменьшеніемъ вашихъ страстей... Но иной скажетъ: «Я горячась оставилъ бы удовольствія, если-бы имѣлъ вѣру». А я ему скажу: Ты горячась сталъ-бы имѣть вѣру, если-бы оставилъ удовольствія. Тебѣ начинать. Если бы я могъ, я далъ бы тебѣ вѣру. Но я не могу этого сдѣлать; следовательно, не могу испытать, правду ли ты говоришь“.

II.

Главный врагъ вѣры гнѣздится внутри самого чело-вѣка въ его волѣ, сердцѣ,—въ нежеланіи, сознательномъ и безсознательномъ, вѣрять и въ неспособности вѣрять вълѣдствіе грѣховнаго омраченія совѣсти и ослабленія религиознаго чувства, которымъ открывається намъ Богъ.

Моральныя причины по своей рѣшающей важности среди другихъ причинъ занимають первое, основное и, такъ сказать, обособленное положеніе. Наряду съ моральными причинами, отчасти въ связи съ ними, но уже послѣ нихъ, среди внутреннихъ причинъ невѣрія, кроющихся въ самомъ чело-вѣкѣ, получаютъ свое мѣсто и важное значеніе интел-

лектуальныя причины невѣрія. Тутъ выступаетъ на сцену и „доброе совѣстное невѣріе“ въ смыслѣ Вл. Соловьева, когда оно является результатомъ добросовѣстной работы ума, употребленной на усвоеніе истины, ея исканіе, слѣдствіемъ зрѣлѣйшихъ и неразрѣшенныхъ сомнѣній ума. Такіе случаи, конечно, возможны, когда невѣріе въ основаніи своемъ имѣеть интеллектуальныя причины. Настаивая на моральныхъ условіяхъ вѣры и религіознаго званія, нельзя отрицать также и интелектуальныхъ дѣхъ условій. Кромѣ неразрѣшенныхъ сомнѣній болѣе всего интелектуальной причиной невѣрія или отрицанія христіанства служатъ, конечно, господство въ современномъ обществѣ антирелигіозныхъ міровоззрѣній, какъ материализмъ, дарвинизмъ, ницшеизмъ, позитивизмъ и т. п.; но обаяніе подобныхъ ученій надъ умами, а равно и неудачи въ разрѣшеніи религіозныхъ сомнѣній объясняются преимущественно недостаткомъ религіозныхъ и философскихъ знаній, а также и въ религіозномъ и философскомъ образованіи.

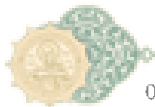
Ноты сораздѣльными запытаніями религіей и философіей и наблюденіямъ надъ жизнью, надъ вѣрующими и невѣрующими, я привелъ въ вышеупомянутому изъясненію, что и разумъ, не обладающъ какими бы то ни было знаніями, а отсутствіемъ и недостаткомъ знаній, особенно религіозное невѣжество служатъ истиннымъ невѣріемъ. Хотя многое множество невѣрующаго разума сорвань прошло передо мной въ литературѣ и жизни, однако же было ни одного случая, гдѣ-бы какъ бы то ни было знанія повредили вѣрѣ. Вездѣ наблюдается обратное этому. Могутъ ли мы назвать изъ многаго множества невѣрующаго хоть одно имя, какъ бы оно ни считалось великимъ, знанія котораго изъ богословія можно было-бы одобрить? Я знаю, что нѣтъ. Послѣтому доказательству этого служатъ мои печатные труды въ теченіи тридцати двухлѣтней моей литературной дѣятельности въ борьбѣ съ невѣремъ и лжевѣріемъ. Если бы была учре-

ждена побелевская премия за сочинения противъ вѣри, то и одно сочинение не получило-бы такой премии.

Намъ много свидѣтельство важной роли интеллигентныхъ причинъ въ происхожденіи и распространении невѣрія даетъ въ особенности память русскаго интеллигента даже въ ея релігиозныя воззрѣнія. Здѣсь, можетъ быть, быть, чѣмъ на половину, релігиозны индифферентизмъ русскаго интеллигента, которымъ онъ утрачиваетъ въ отличие отъ индифферентизма европейскаго интеллигента, объясняется дѣйствіемъ релігиознаго неискренности. Иногда хоти и рѣдко, и въ самомъ интеллигентной средѣ сознаютъ свое релігиозное неискренность, и возмущенные на эту неискренность и побуждаясь своимъ релігиознымъ знаніемъ уже приходять къ мысли и умѣншить отъ неискренности своей следствіе въ вопросахъ релігии. Рѣдкіе случаи такого умѣншаемаго проявленія среди нашей самодовольной интеллигенции, не относятся къ релігии, а только изучать ученыхъ, какъ въ проф. С. П. Булгаковъ „Поразительно неясно нашей интеллигенции въ вопросахъ релігии“ говоритъ Булгаковъ „Наша интеллигенция по отношению къ релігии просто еще не вышла изъ отроческаго возраста она еще не думаетъ серьезно о релігии и не думаетъ о себѣ серьезно и самоопредѣлентъ она не вышла еще релігиозной мыслью и осязательностью строгого ориентализма релігии, а думаетъ о себѣ съ естественной релігиозностью доказательствомъ всему этому служить историческое происхожденіе русскаго неяснаго Русскаго неяснаго отягощенности сознательнымъ отрицательнымъ, и потому стонущимъ, мучительной и продолжительной жабы ума, сердца и воли, потому личной жизни. Игнорировать борется чаще всего на гѣру и сохранять эти черты наивной релігиозной вѣри только называю, и это не измѣняется въ дѣйствіе того, что она принимаетъ воинствующія, догматическія наитообразнѣя форма. Эта гѣра борется въ основу рядъ не релігиозныхъ, не релігиозныхъ и въ своемъ

догматической формѣ, конечно неправильныхъ утверженій. Именно, что наука компетентна окончательно разрѣшить и вопросы религіи и притомъ разрѣшаетъ ихъ въ отрицательномъ смыслѣ. Вѣру эту раздѣляютъ и ученые, и неученые, и старые, и молодые. Она усвоится въ огромномъ возрастѣ, который біографически наступаетъ, конечно, для однихъ ранѣе, для другихъ позже. Въ этомъ возрастѣ обыкновенно легко и даже естественно воспринимается отрицаніе религіи, тотчасъ же замѣняемой вѣрою въ науку, въ прогрессъ. Наша интеллигенція, разъ ставъ на эту почву, въ большинствѣ случаевъ всю жизнь такъ и остается при злой вѣрѣ, считая эти вопросы уже достаточно разъясненными и окончательно порѣшенными, загнившизировавшая всеобщимъ единодушіемъ въ эгомъ мнѣніи. Отроки становятся зрѣлыми мужчинами, иные изъ нихъ пріобрѣтаютъ серьезные научныя знанія, дѣлаются видными специалистами и въ такомъ случаѣ они бросаютъ на чашку вѣсовъ въ пользу огромно увѣровавшаго, догматически воспринятаго на школьной скамьѣ атеизма свой авторитетъ ученыхъ специалистовъ, хотя бы въ области этихъ вопросовъ они были несколько не болѣе авторитетны, нежели каждый мыслящій и чувствующій человекъ. Такимъ образомъ создается духовная атмосфера и въ нашей высшей школѣ, гдѣ формируется подрастающая интеллигенція" (Сборникъ статей о русской интеллигенціи *Възхи*).

Цепляясь отъ интеллектуальнаго невѣрія, которымъ страдаетъ преимущественно русская интеллигенція, было-бы не трудно: невѣріе этого рода безъ остатка разсѣивается надлежащимъ религіознымъ образованіемъ, религіозными знаніями: поэтому и слѣдовало бы обратиться интеллигенція въ ея религіозныхъ исканіяхъ къ помощи религіозныхъ знаній, даваемыхъ существующею для этого богословскою наукою. Однако для столь естественнаго здѣсь обращенія интеллигенціи къ богословской наукѣ за религіозными знаніями по-

ка и признаковъ нѣтъ. Если бы намъ сказали, что существуетъ общество для изученія звѣзднаго неба, гдѣ не обращаются къ астрономіи и не желаютъ знать Коперниковъ, Кеплеровъ, Гершелей и т. д., какъ бы ни ихъ, ни науки астрономической соваѣмъ не было; то этому никто не повѣрилъ-бы. А между тѣмъ такая удивительная вещь совершается на нашихъ глазахъ даже съ самыми крупными нашими „богоискателями“ и „боготворцами“ въ родѣ Мережковского, Розанова, Философова, С. Франка, П. Струве и проч., не говоря уже о среднемъ русскомъ интеллигентѣ изъ „интересующихся религіозными вопросами“. Религіозное невѣжество г. Мережковский не постыдился возвести даже въ достоинство и хвалится имъ передъ богословами. Напомню слова этой „главы новаго религіознаго сознанія“, очень пустой по части религіозныхъ знаній, сказанныя ею въ одномъ изъ засѣданій Петербургскихъ Религіозно-Философскихъ Собраній: „Вообще намъ, профанамъ, всего поразительнѣе отсутствіе удивленія, умиленія въ богословахъ, отсутствіе всякаго художественнаго волненія. Мы, невѣжды, даже тексты перевираемъ и въ этомъ дѣйственномъ *незнаніи*, въ этой богословской нетронутости—вся наша сила“. („Записки Религіозно-Философскихъ Собраній“ въ прилож. къ *Новому Пути* 1903, ноябрь, стр. 470). Замѣнять знанія и умъ умиленіями и художественными волненіями и въѣзжать на послѣднихъ никто не смѣшаетъ г. Мережковскому, но чѣмъ же тутъ хвалиться? Вообще, г. Мережковский хвалится повышенной температурой своей религіозности, какъ наблюдаемъ это у всѣхъ оккультно-эзотерическихъ сектантовъ-энтузіастовъ (въ древности, напр., у монганистовъ, предварившихъ Мережковского и Къльброу въ откровеніе Третьяго Завѣта). Но въ духовной жизни бываетъ то же, что въ тѣлесной: нормальная температура тѣла полагается въ 37°, за предѣлами 39° можетъ начинаться бредъ... Здѣсь религіозное невѣжество Мережковского, типичное для всей русской интеллигенціи, изъ интел-

интеллектуальной причине невірн явию преррацаеця въ моральную, когда не хотять преобретати мѣрами ея устранить религиознаго невѣжества, но возводить его въ правило и не чувствуютъ стыда хвалиться имъ. Если въ религиозномъ невѣжествѣ сколько нибудь мнѣ виноваты сами со своимъ преобретениемъ къ религиозному образованию, то въ сущности и здѣсь все сводится къ моральнымъ причинамъ, къ главному источнику невірн. Впрочемъ, не будемъ спорить, какия причины важнѣе въ невірн,—интеллектуальныя или же моральныя. Если это спорно, то внѣ споровъ то, что причина невірн много и всѣ оны, скажемъ съ Паскалемъ, не дѣлають чести челоуку и его разуму“

Кѣмъ практически выводъ для ищущихъ вѣри слѣдуетъ изъ сказаннаго объ интеллектуальномъ невѣрн? Конечно необходимость религиознаго самообразования, обращенія къ помощи богословской науки и къ компетентному руководству въ этомъ отношеніи призванныхъ къ тому представителямъ Церкви,—духовныхъ отцовъ и пастырей въ приходѣ, а въ школѣ профессоромъ богословія и законоучителемъ.

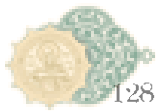
Однако для такого маленькаго, слово естественнаго въ положеніи ищущихъ вѣры, дѣла у насъ оказываются нѣкоторыя препятствія

Для обращенія своего къ компетентной помощи и руководству богословской науки и представителей Церкви интеллигенція должна преодолѣть всѣ препятствія, изъ которыхъ указу лишь главныя

Прежде всего нужно преодолѣть сословную закоренѣлую неприязнь къ духовенству и выростающее на ея почвѣ пренебреженіе къ учительскому авторитету духовенства, недоверіе къ нему. Иногда оно принимаетъ прямо некрасивыя формы клеветы и поношенія, когда наиръ сообщаютъ о неспособности законоучителей съ высшимъ богословскимъ образованиемъ справиться съ вопросами и возраженіями гимназистовъ въ родѣ стереотипнаго указанія на противорѣчія

между Вѣдѣніемъ и геологією въ вопросѣ о древности земли и т. п. Будто бы на подобные вопросы законоучители въ змущеніи отвѣчаютъ: „Сейчасъ не время, въ другой разъ“. Будто бы въ подобныхъ случаяхъ „рѣдкіи свидѣнннхъ“ выходятъ съ частію изъ своего неловкаго положенія“. Это сообщеніе встрѣчаемъ мы, напр., въ замѣткѣ нѣкоей джн *О Прохаско* „Нѣсколько мыслей о религіозномъ воспитаніи“ (*Христіанская Мысль* 1916, № 4). Не довольствуясь возмещеніемъ, можетъ быть, рѣдкихъ случаевъ въ общее правило, авторъ въ униженіи законоучительскаго авторитета идетъ далѣе, до членія въ сердцахъ законоучителей. Въ объясненіи днѣй творенія въ смыслѣ геологическихъ эпохъ, которое раздѣляется не только богословскою наукою, но и многими геологами, здѣсь изволятъ видѣть „достоинное припоровленіе“ законоучителей къ наукѣ, къ духу времени безъ вѣры въ свое объясненіе! Курьезно, что съ такимъ англобонъ написанная егатайка въ назиданіе законоучителямъ усѣяна грубыми ошибками по библейской и церковной исторіи. Свят. Писанію и проч. (напр. по поводу инкриминированнаго объясненія выказано незнаніе пзвѣснаго отъ законоучителей даже гимназистамъ факта, что объясненіе днѣй творенія въ смыслѣ геологическихъ періодовъ существовало раньше „гимназическихъ батюшекъ“)

Для столь пренебрежительнаго отношенія у насъ къ учительскому авторитету духовенства нѣтъ никакихъ основаній въ его общемъ и богословскомъ образованіи. По своему образованію русское православное духовенство стоитъ выше католическаго: у католиковъ въ ихъ коллегіяхъ, институтахъ и академіяхъ образованіе сводится къ профессиональной муштровкѣ учениковъ съ цѣлью выработки изъ нихъ совершителей богослуженія, законоучителей, проповѣдниковъ, миссіонеровъ, а наиболѣе всего вѣрноисданныхъ стугъ и вопновъ наппа. Выше протестантскаго образованіе русскаго духовенства своею полнотою и разносторонностію

ость добавленіи къ нему наукъ свѣтскихъ въ академіяхъ и большею продолжительностью богословскаго курса.

Свое нежеланіе обращаться къ содѣйствію духовенства въ своемъ религіозномъ кризисѣ ищущіе вѣры у знахарей и начетчиковъ думаютъ оправдать формальнымъ, будто-бы отношеніемъ и недостаточною отзывчивостью духовенства на ихъ религіозно-нравственные запросы, равнодушіемъ къ паствѣ, отсутствіемъ ревности о вѣрѣ и т. д. Не возводятся ли тутъ однако исключенія въ общее правило? А если бы было и такъ, какъ это угодно интеллигенціи (допустимъ это), то она вѣдь могла бы пользоваться исключеніями. Но пусть по совѣсти интеллигенція отвѣтитъ, дѣлаетъ-ли она хоть что?..

Для обращенія къ помощи духовной литературы и богословской науки, по наблюденіямъ, сильнымъ препятствіемъ, кромѣ предубѣжденій противъ богословія и духовенства, служить еще обычная русская черта, выступающая всегда тамъ, гдѣ является необходимость въ наслойчивомъ достиженіи какой-либо цѣли путемъ систематической и добросовѣстной работы, такого или иного труда. Это—русская лѣнь, лѣнность, въ умственной области неудержимое стремленіе по всякому поводу упрямднать науку, изученіе путемъ рѣшенія требующихъ подготовки вопросовъ методомъ Колумба, внутреннимъ чутьемъ, интуиціей. Тутъ никакихъ знаній не полагаются и все рѣшается какъ по волшебству однимъ: „Мнѣ кажется, что,“ „я думаю, что“; даже болѣе того: „все другіе до меня ошибались, а я вотъ думаю“...

Черта эта отмѣчена, какъ извѣстно, еще *Достоевскимъ*, у котораго мы читаемъ: „покажите русскому школьнику карту звѣзднаго неба, о которой онъ до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого понятія, и онъ завтра же возвратитъ эту карту исправленною. Никакихъ знаній и беззавѣтное самомнѣніе“. Во всей своей непривлекательности эта черта выступаетъ

въ отношеніи къ вопросамъ философіи и еще рѣзче къ вопросамъ религи. Для религіозныхъ знаій богословіе считается не только ненужнымъ, но даже и вреднымъ вследствие глубоко усвоеннаго интеллигенціей предрассудка, что богословіе не наука и что религія сама основана на одномъ религіозномъ чувствѣ, какъ дѣло исключительно одного чувства, сердца. Даже умные люди, въ родѣ Пирогова, этимъ неправильнымъ повятіемъ о религіи увлекаются къ отрицанію напр. богословія въ университетахъ, думая, что знаніемъ охладается вѣра (у другихъ, конечно, это только предлогъ къ ограниченію Закона Божія въ гимназіаі рамками душевспасительныхъ бесѣдъ законоучителя съ учениками и къ вытѣсненію богословія изъ университетовъ).

Наконецъ, я считалъ бы желательнымъ для исцеленія отъ интеллектуальнаго невѣрія, что бы интеллигенція поборола въ себѣ увлеченіе модной мистикой нашего времени съ приглашеніемъ мистицизма къ замѣнѣ труднаго пути познанія религіозной истины вѣроу, плученіемъ Божественнаго откровенія и доброю жизнью и т. д. логичнѣе путемъ рекомендуемыхъ мистицизмомъ способовъ познанія Бога до проникновенія въ бездонныя глубины тайны, какъ: экстазъ, религіозная экзальтація, ватуція и т. п. (Этому мистическому теченію нашего времени возобновленія авыческой мистики подаетъ руку помощи и модная философія нашего времени въ лицѣ Джемса и Бергсона и созданной ими интуитивной школы).

Есть и другія препятствія для обращенія интеллигенци къ необходимому въ религіозныхъ искахіяхъ исправленію пробѣловъ въ религіозныхъ знаіяхъ и религіозно-философскомъ ея образованіи, но, за недостаткомъ времени, мнѣ пора уже перейти къ итогамъ и къ заключенію всего, сказаннаго по вопросу, достаточно здѣсь нечерпанному съ главныхъ сторонъ.

Выяснилось, что главныя причины невѣрія и безуспѣшности религіозныхъ исканій кроются въ самихъ невѣрующихъ и ищущихъ, а потому главными средствами къ цѣли должны быть усилія съ ихъ стороны, направленные къ устраненію препятствій для этого, какими служатъ нравственная неподготовленность и недостатки религіозныхъ знаній,—работа надъ своимъ самовоспитаніемъ и религіознымъ самообразованіемъ. Все это предусматрѣно христіанскою педагогикою съ даваемыми ею указаніями и правилами къ сохраненію, развитію и укрѣпленію вѣры, особенно въ состояніи религіознаго кризиса или сомнѣній. Есть нѣчто здѣсь къ услугамъ желающихъ и въ апологетической литературѣ, сильная лепта въ которую была внесена и мною. Здѣсь, конечно, возможно и умѣстно было сдѣлать только общее указаніе пути къ вѣрѣ. Кромѣ этого, нахожу возможнымъ и нужнымъ въ заключеніи всего остановитъ вниманіе на главномъ условіи успѣха въ религіозныхъ исканіяхъ.

Въ религіозныхъ исканіяхъ рѣшающее значеніе имѣетъ искренность въ исканіи истины, дѣйствительное желаніе истины съ полною готовностью подчиниться ей, какова бы она ни была. Нужно смиренное и искреннее исканіе истины, какъ главное условіе къ познанію ея. Сама Истина упредить тогда ищущаго истину и откроется ему прежде, чѣмъ найдуть ее, ибо истина въ Лицѣ Христа неотступно стучится въ двери нашего сердца: „Се стою у двери“, говоритъ Господь, „и стучу. Если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему и буду вечерять съ нимъ, и онъ со Мною.“ (Апок. III, 20). Въ трудномъ подвигѣ исканій истины, въ тяжелой борьбѣ за истину большимъ утѣшеніемъ и подкрѣпленіемъ для всякаго будетъ мысль о томъ, что не мы только ищемъ истину, но и Сама Истина ищетъ насъ и открывается тѣмъ, которые дѣйствительно желаютъ и любить Ее. Будемъ же помнить, что не мы только ищемъ

Бога, но и Самъ Богъ во Христѣ ищетъ насъ, открывается намъ и зоветъ насъ самыми разнообразными способами, — такъ наз случайнояма въ нашей жизни: и радостями, и скорбями земными, особенно болѣзнями и смертью близкихъ, встрѣчами съ людьми, разговорами, чтеніемъ и т. д. (Вспомнимъ исповѣдь Вѣ Августина). Такъ Христосъ, Сама Истина, стучитъ въ двери сердца нашего, и намъ остается только отозваться на зовъ и отворить двери Ему. Надо только, чтобы не угасалъ въ насъ огонь любви къ истинѣ, жажда истины, жажда вѣры. Съ этимъ все придетъ и при неудачахъ въ исканіяхъ, даже среди мрака сомнѣній и колебаній. Скажу коротко съ нашимъ поэтомъ *А. В. Круловымъ* въ заключеніе:

Кто въ дверь стучится,
 Духовной жаждою томимъ,
 Тому сомнѣніе простится,
 И будетъ Богъ отысканъ имъ.
 Судь ждетъ того, кто мысль о Богѣ
 Заботой суетной убилъ
 И объ „украшенномъ чертогѣ“
 Въ душѣ тоски не пробудилъ

Пр. П Свѣтловъ.